

05.06.2015

Что решается на выборах в Турции

Павел
Шлыков

Впервые с 2002 года полная победа исламистов из ПСР не выглядит гарантированной. А это может вернуть Турцию в эпоху нестабильных коалиционных правительств в стиле 90-х и испортить российско-турецкие отношения националистическим популизмом

Причудливая траектория политического развития Турции нередко заставляет вспоминать о «китайском проклятье» с пожеланием «жить в эпоху перемен». Постоянные перемены – отличительная черта всей республиканской истории страны. Последний виток политического напряжения начался в Турции весной 2013 года – с массовых протестов в Стамбуле против строительства торгового центра на месте парка Гези – и не спадает до сих пор, помноженный на двухлетний выборный марафон (муниципальные, президентские и теперь парламентские выборы), коррупционные скандалы, аресты судей, полицейских и журналистов.

Намеченные на 7 июня парламентские выборы едва ли разрядят атмосферу. Для премьер-министра и лидера исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) Ахмета Давутоглу на кону его дальнейшая политическая судьба. Оказавшись на посту лидера партии после избрания Эрдогана президентом, Давутоглу так и не успел освоиться в этой роли – соцопросы показывают, что большинство турок по-прежнему считают главным Эрдогана, хотя по турецкой Конституции президент – надпартийная фигура.

Для самой правящей ПСР с выборами связан критически важный вопрос – смогут ли они сформировать однопартийное правительство. С 2002 года у исламистов всегда было достаточно мест в парламенте, чтобы не прибегать к коалиционным блокам. Однако главная интрига выборов все-таки в другом – получится ли у ПСР обеспечить себе необходимое число мест в парламенте, чтобы запустить конституционную реформу, превратив Турцию в президентскую республику. То есть воплотить в жизнь «план Эрдогана», вызывающий все последние годы серьезную обеспокоенность оппозиции.

Первая неуверенность

Впервые накануне парламентских выборов правящие в Турции с 2002 года умеренные исламисты из ПСР выглядят недостаточно уверенными, а их позиции не столь сильны по отношению к основным соперникам: кемалистам из Народно-республиканской партии, националистам из Партии националистического движения и прокурдской Демократической партии народов (ДПН). Даже в предвыборной активности Эрдогана чувствуется эта обеспокоенность: речи с цитатами из Корана, бесчисленные «церемонии открытия», митинги по всей стране, несмотря на формально внепартийный статус президента.

Последние опросы показывают, что поддержка ПСР ощутимо меньше рекордных 49,8%, которые партия получила на последних парламентских выборах 2011 года. Авторитетный исследовательский центр KONDA, предсказавший в свое время победу ПСР в 2002 году, в последнем соцопросе дает ПСР 40,5%, кемалистам – 28,7%, националистам – 14,4%,

прокурдской ДПН – 11,5%. Другая известная социологическая служба, ORC, точнее всего определившая результат муниципальных выборов 2014 года, прогнозирует для ПСР уже 46%, кемалистам – 25,3%, националистам – 15,5%, прокурдской ДПН – 9%. В переводе с языка цифр это значит, что ПСР рискует потерять простое большинство в парламенте, необходимое для формирования однопартийного правительства.

Однако, как показали недавние выборы в Израиле, Великобритании и Польше, опросы общественного мнения могут серьезно ошибаться. Конечно, едва ли кто всерьез сомневается в том, что ПСР получит больше голосов, чем другие партии, но атмосфера нынешних выборов существенно отличается от 2007 или 2011 годов. Даже среди функционеров ПСР циркулирует мнение, что время «славных дней» ушло. В отличие от достаточно предсказуемых президентских выборов в августе 2014 года нынешние вызывают ощущение тревоги и неопределенности.

Хотя кое в чем наблюдатели в Турции и за ее пределами все-таки сходятся. Во-первых, прокурдская ДПН явно находится на подъеме и вызывает раздражение у правящих исламистов из ПСР. Во-вторых, ПСР утратила часть лояльного электората из-за ошибок в предвыборной кампании, неблагоприятного внешнеполитического контекста и растущего числа экономических проблем. В-третьих, судьба ПСР будет зависеть от небольшого количества неопределившихся избирателей. Последнее связано с особенностями избирательной системы Турции: высоким проходным порогом 10% и правилом, когда потенциальные мандаты непрошедших в парламент партий (сейчас на грани балансирует прокурдская ДПН) достаются победителю выборов.

Наконец, главная угроза существующему политическому ландшафту – это перспектива коалиционного правительства. Для Турции это означает возврат в 90-е с малопродуктивными кабинетами, коррумпированными министрами, замешанными в связях с мафией, и самым серьезным в истории страны экономическим кризисом. Самым вероятным коалиционным партнером для ПСР выглядят националисты из ПНД (рейтинг около 16%). Однако блокирование с националистами неизбежно помешает реализации одного из главных проектов правящих исламистов – мирному диалогу с курдами, который и так был запущен в 2013 году с большим трудом и находится в подвешенном состоянии.

Проблемы партии

Каковы же причины снижения популярности ПСР? Нынешняя избирательная кампания качественно отличается от предыдущих. В 2007 году выборы были противостоянием религиозно-консервативных сил (ПСР) и кемалистов, отстаивающих принципы секуляризма и опасющихся растущего влияния политиков с «исламистским прошлым». В 2011 году главной темой стала экономика и последствия мирового финансового кризиса. Сейчас внимание в основном фокусируется на личности Эрдогана и промахах его правления.

Турецкие избиратели устали от «партии Эрдогана». Мало кто ставит под сомнение достижения его правления. За три его премьерских срока Турция оправилась от последствий тяжелых кризисных 1990-х, средние показатели экономического роста до 2007 года составляли рекордные 7%, серьезно снизился уровень бедности. По всей Турции осуществлено множество инфраструктурных проектов: новые аэропорты, скоростные шоссе, комплексы социальных учреждений. Все это стало символом сегодняшней Турции.

Но, несмотря на славу крупнейшего реформатора, Эрдоган оказался жертвой «правила десяти»: после десяти лет пребывания у власти удерживать ее становится крайне трудно. В мировой истории достаточно примеров верности этого правила. Так, массовые протесты во Франции в мае 1968 года совпали с десятилетней годовщиной президентства Шарля де Голля. Не избежали «правила десяти» Маргарет Тэтчер, Гельмут Коль, Франсуа Миттеран. В 2012 году на себе его испытал Владимир Путин, а в 2013 году начал испытывать Эрдоган.

Другой важный фактор – курдский вопрос. Эрдоган стал первым турецким политиком, запустившим переговорный процесс с Абдуллой Оджаланом, лидером запрещенной Рабочей партии Курдистана. Именно правительство ПСР пошло на послабления в вопросе культурной

автономии курдов: отменили запрет на использование курдского языка на государственных телеканалах, хотя в школах курдский по-прежнему под запретом. Однако сейчас Эрдоган стремится привлечь на свою сторону националистически настроенный электорат, поэтому в его речах звучат уже другие ноты: прокурдскую ДПН он называет «группой террористов», которую надо держать подальше от парламента.

Парадоксально, но именно благодаря политике ПСР и демократическим реформам 2000-х годов у курдов появилась возможность легальной политической деятельности, символом которой на сегодняшний день и является прокурдская ДПН. Но одновременно многие курды связывают агрессивную риторику Эрдогана с атаками на отделения ДПН, прокатившимися по всей стране в мае (более 130 случаев).

Снижение популярности ПСР среди курдского электората вызвано также позицией правительства в вопросе противостояния с Исламским государством. Неоднозначная ситуация вокруг осады города Кобани, продолжавшейся четыре с лишним месяца, привела к обвинениям в адрес Эрдогана в фактическом пособничестве боевикам ИГИЛа против сирийских курдов.

Харизматичный лидер прокурдской ДПН Селахаттин Демирташ – еще один фактор эрозии электората ПСР. Его способность общаться с людьми из разных слоев общества вызывает ассоциации не только с самим Эрдоганом, но и с такими яркими политиками недавнего прошлого, как Сулейман Демирель или Тургут Озал (последний, к слову, тоже был курдского происхождения).

Подрывает авторитет ПСР в глазах массового избирателя и эхо коррупционного скандала, разразившегося в декабре 2013 года, когда ведущих функционеров партии обвинили в миллионных взятках, подтасовках тендеров и т.д.

Внутри правящей партии тоже нарастает напряженность. И дело не в гипотетическом расколе по линии президент Эрдоган – премьер Давутоглу, а в слабо работающем механизме кадровой ротации. Ветераны ПСР не хотят давать молодым членам партии возможность реализовать свой потенциал, что мешает консолидировать партию в условиях обострения политической конкуренции.

Проблемы системы

Проблема, с которой вынуждены будут столкнуться все без исключения партии первого эшелона во время и после выборов, – эрозия доверия к выборам как честному демократическому механизму. Борьба за доли процентов, которая, вероятно, развернется вокруг результата прокурдской ДПН, стимулирует ожидания злоупотреблений при подсчете голосов. По данным масштабного социологического исследования известных ученых Али Чаркоглу и Селима Эрдема Айтача, без малого половина респондентов (46%) убеждены в подтасовках при подсчете голосов, 43% считают, что выборы будут нечестными. Аналогичные замеры накануне выборов 2007 года показывали степень недоверия к выборам на уровне 28%, а в 2011 году – 30%. Такое падение доверия турецкого общества к выборам в условиях острой политической борьбы не может не вызывать беспокойства.

В длинном перечне вопросов, которые предстоит решать новому составу парламента и правительства, важное место занимает экономика. Снижение темпов экономического роста и других макроэкономических показателей, начиная с 2012 года, уже отражается на жизненном уровне населения. А среднестатистический избиратель в Турции, как и в любой другой стране, очень остро реагирует на изменения финансово-экономической конъюнктуры, снижая или, наоборот, наращивая поддержку правящей партии.

Можно вспомнить выборы 2007 года, когда показатели экономического роста составляли без малого 7% и правящая ПСР нарастила свой результат на 12,3% – до 46,6%. Накануне муниципальных выборов 2009 года экономический рост снизился до 0,7%, что отразилось и на показателях ПСР, получившей лишь 38,4%. На выборы 2011 года Турция выходила с рекордными 9,2% экономического роста, что обеспечило ПСР без малого 50% голосов. Сейчас показатели

экономического роста снижаются, поэтому ожидать прилива популярности ПСР тоже не стоит. Не добавляет оптимизма и падение курса лиры – почти на 40% по отношению к доллару за последние два года.

Последствия для России

Предстоящие 7 июня выборы не только завершают двухлетний выборный марафон (на ближайшие четыре года придется забыть об избирательных кампаниях), но и в определенной степени подводят черту под очередным этапом республиканского развития Турции.

Впервые в истории страны основные сценарии итогов выборов отталкиваются от результата прокурдской ДПН, ее попадания в парламент. Первый сценарий – ДПН не набирает 10%, а ПСР получает контроль над 3/5 парламента, то есть больше 330 мандатов. Это самый желанный для ПСР вариант, который позволит вывести на референдум нужный вариант новой Конституции без блокирования с другими партиями. Второй – ПСР набирает достаточно мандатов для формирования правительства, а ДПН проходит в парламент. Это создает атмосферу повышенной напряженности в парламенте и подвешивает конституционную реформу.

Наконец, третий сценарий, когда ПСР не набирает 40%, а прокурдская ДПН проходит в парламент. Это не дает ПСР простого большинства в парламенте, достаточного для формирования правительства, и создает необходимость в коалиционном кабинете. Такой расклад политических сил означает смещение основного внимания с вопросов макроэкономического развития на более конъюнктурные внутривнутриполитические проблемы, равно как и коррекцию внешнеполитического курса, в том числе и на российском направлении.

В 1990-е годы коалиционные правительства Турции проводили достаточно непоследовательную внешнюю политику на российском направлении. В борьбе за симпатии избирателей политики часто прибегали к популистским националистическим лозунгам, призывая развивать сотрудничество с тюркскими республиками бывшего СССР, что воспринималось Москвой как вторжение в сферу ее национальных интересов и негативно отражалось на турецко-российских отношениях. В свою очередь, приход к власти ПСР в 2002 году оказал положительное влияние на развитие двусторонних отношений: уверенность в стабильности своего положения позволила ПСР проводить активную политику, а отказ от показной ориентации на тюркские республики способствовал налаживанию взаимовыгодного сотрудничества с Россией.

Сейчас ПСР находится в непростом положении – против нее борются практически все остальные политические партии. И для ПСР выборы могут вполне стать последним шансом удержаться во власти и перестроиться под изменившуюся конъюнктуру. Ведь за последние десять лет Турция достаточно продвинулась с точки зрения демократического развития, и стремление Эрдогана скроить под себя пост президента с обширными полномочиями очевидно вступает в противоречие с логикой социально-политической трансформации Турции и может встретить гораздо более сильное недовольство населения, чем массовые протесты лета 2013 года.

Павел Шлыков – донец Института стран Азии и Африки МГУ

Источник <http://carnegie.ru><http://carnegie.ru/2015/06/05/ru-60323/ijsp>